

Независимая газета. - 1992. - 29 авг. - С. 5.

НИКТО, КРОМЕ НЕГО

У Ганнапольского нет прошлого, зато есть кепочка

Ирина Петровская

Автопортрет

— **М** АТВЕЙ, ВЫ появились на телеэкране сравнительно недавно — еще года не прошло. Может быть, я ошибаюсь, но у вас видж человека изоткуда: вы никогда и нигде о своем прошлом не рассказывали. Известно только, что вы с «Эха Москвы». А что было до того?

— Незажно. Я действительно никогда о себе не рассказываю. Слава богу, никто не знает, откуда я и чем раньше занимался.

— У вас в биографии имеется что-то кризисальное?

— Боже упаси. Хотя... приводы в ГБ были. Когда я учился в ГИТИСе, я проходил по делу Бориса Кагарлицкого как один из его знакомых.

— Значит, вы ГИТИС закончили?

— Да, режиссерский факультет. Потом вернулся в Киев, стал работать в Театре эстрады.

— Так вы из Киева?

— Не пытайте, я же сказал — не будем о прошлом.

— Но почему?

— Потому что я хочу, чтобы меня воспринимали такой, каков я сегодня. Вот он, Ганнапольский, можно на него смотреть, возмущаться: что за наглый молодой человек...
— А, кстати, сколько вам лет?

— Тридцать восемь.

— Итак, вы работали в театре. А на ТВ в то время себя не пробовали?

— Меня на ТВ никогда не брали... До «Эха Москвы» я работал на радио в штатно — делал детскую развлекательную передачу, ставил радиоспектакли. Я вообще глубоко радийный человек, и для меня радио — как искусство — во многом выше, чем ТВ. Просто к звуку прибавилось изображение, и получилось, что изображение — это расшировка звука.

— Ваша собственная программа «Бомонд» родилась на радио «ЭМ», потом ее стало снимать Авторское ТВ. По вашему мнению, «Бомонд» — это радио или ТВ?

Фото А. Зеленкова.

— Это очень осторожное посещение себя в телевидении. Ну, очень осторожное. Я в кадре занимаюсь своим привычным делом: веду радиопередачу. Без дела я бы появиться на экране не мог.

— А до того, как «Бомонд» вышел на телеэкраны, вы тоже работали в кепочке?

— Нет, кепка появилась от того, что пот заливал мне глаза: студия крешечная, жарят осветительные приборы. А с другой стороны, кепка сразу задает тон, начинается не беседа типа: «Иван Иванович, что вы думаете по поводу?...» — а игра. Я играю с человеком, который пришел ко мне.

— Как кот с мышью?

— Мне важен процесс игры, а не результат. Мне важно ухватить человека, увидеть, что — хлоп! — и мы зацепили друг друга. Я не выслеживаю истину, а делаю красивый, живой портрет человека. Вот он приходит в студию — весь из себя, и мы начинаем разговаривать. Обожаю поговорить! И где-нибудь на третьей минуте с человека сходит наносное, и он становится самим собой — в лучших передачах. Почти все мои гости утверждали, что я с ними разговариваю не так и не о том, как и о чем говорят все остальные. Это не моя заслуга — таков принцип игры.

— Это само собой получается

или вы изучаете, как и о чем говорят остальные?

— Отвечу так: на то я и Ганнапольский. Это полужизнь, полубожий дар — и большой опыт из прошлой жизни, о которой никто не знает.

— У вас были и неудачные передачи, например, «Бомонд» с Войновичем. Он на все ваши «штуки» не клюнул. Был ровен, приветлив — и только.

— Я не осмелюсь упрекнуть Войновича в том, что он не включился в игру. Значит, я не нашел хода, который был бы ему интересен. Несколько передач вообще в телеэфир не вышли — не получились. Но виноват в этом только я. Вообще, я жалею, что загнал себя в определенные (иснувшие) рамки, назвав передачу «Бомонд». Потому что если придет человек не из бомонда, сразу возникает вопрос: сколько он мне заплатил? (Кстати, были случаи, когда мне звонили и предлагали деньги, чтобы я сделал передачу с тем или иным человеком из коммерческих структур.) То есть всякий раз должна быть совершенно «бомондная» фигура.

— Ну а Бабурич, к примеру, разве бомондная фигура?

— Абсолютно. Он представитель политического бомонда, одна из ведущих фигур оппозиции. Я бы с удовольствием пригласил и Жириновского, если бы он

не был столь растрепан другими. Разве Жириновский — не политический бомонд? Нет смысла замыкаться только на людях искусства. Политика — тоже искусство.

— Ваша передача у ряда критиков вызывает раздражение. Алла Гербер в «ЛГ» назвала ее безкусной. Другие считают вас наглым, напористым...

— Меня можно материть, можно хвалить, главное — чтобы никто не остался равнодушным. А вообще высказывания критиков меня иногда шокируют, мне кажется, что они забывают блистательное выражение Станиславского: судить художника нужно по законам, им созданным.

— А-а... Так вы художник?

— Хорошо, не художника, — автора, создателя той или иной передачи. В том, что наше ТВ неинтересно, скучно, виноваты и критики, которые безжалостно и часто несправедливо клюют то, что выделяется из общего ряда. И заклеивают, лишая авторов стимула и желания совершенствоваться. Телевидение — это какой-то проклятый вид искусства.

— Искусства ли?

— Да, и в основе своей великого. Мы восхищаемся традициями нашей литературы, изобразительного искусства, но никак не можем понять, что и на ТВ существовали прекрасные традиции, которые сегодня утеряны, забыты и заневаны. Сейчас мы пытаемся лихорадочно создавать свои «сильные оперы», забывая, что это у нас было в течение многих лет. Вспомните «Кабачок «13 стульев» — замечательный образец живого ТВ, настоящего телетеатра. Да, наверное, его эстетика кажется сегодня смешной, но тогда впервые на телеэкране появились характеры, типы. А «Голубые огоньки»? А «От всей души»? А потрясающие «Бенсфисы» Е. Гинзбурга? Это было наше, рожденное нами, поэтому и зрители воспринимали ТВ как что-то очень теплое, свое, а сейчас относятся к нему просто как к развлечению. Мне бы очень хотелось, чтобы моя передача была — пусть кривой, косою, но живой. Это единственный для меня критерий настоящего ТВ. С огнем я начну делать на АТВ новую передачу — что-то вроде расширенного «Бомонда». Но о будущем, как и о прошлом, я говорить не хочу. На сей раз — из чистого суеверия.